

ведать о происшедшем нам и тем, кто будет после нас, чтобы не прервать нить времен.

¹ Будаков В. Одинокое сердце поэта // Роман-журнал XXI век. М., 2003. № 7. С. 14.

² Пикач А. "Я услышал: корявое дерево пело" // Звезда. 1979. № 6. С. 211.

³ Будаков В. Указ. соч. С. 15.

⁴ Акаткин В. М. Глаголы войны // Филологические записки. Воронеж, 2000. № 14. С. 102.

⁵ Акаткин В. М. Высоким курсом... // Алексей Прасолов. "И душу я несу сквозь годы...". Воронеж, 2000. С. 538.

⁶ Акаткин В. М. Высоким курсом... С. 538.

⁷ Вишина Г. В. Повесть Алексея Прасолова "Жестокие глаголы" в контексте времени и места действия // Вестник ВГУ. Сер. лит. и яз., гуманитар. науки. 2001. № 1. С. 18.

⁸ Прасолов Алексей. "И душу я несу сквозь годы...". С. 419.

⁹ Долинина Н. Г. По страницам "Войны и мира". М., 1996. С. 234.

¹⁰ Будаков В. Указ. соч. С. 14.

¹¹ Там же.

¹² Толстой Л. Н. Война и мир. Фрунзе, 1968. Т. 4. С. 610.

¹³ Долинина Н. Г. Указ. соч. С. 306.

¹⁴ Будаков В. Указ. соч. С. 57.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ Вишина Г. В. Указ. соч. С. 21.

Н. Н. Золототрубова

ЭПИЧЕСКОЕ НАЧАЛО ВОЕННОЙ ПРОЗЫ

К. Д. ВОРОБЬЕВА

К. Д. Воробьев как писатель "военной прозы" оказался востребованным в последнее десятилетие. Интерес к нему и своеобразное открытие писателя совпали с выходом в свет его повести "Это мы, Господи!" (1987), написанной в 1943 году в литовском подполье. Первая повесть оказалась завершающей книгой писателя, но вместе с тем дала толчок более внимательному и вдумчивому прочтению его произведений. О творчестве Воробьева пишутся критические статьи, научные диссертации¹. Книжки Воробьева всегда не оставляли равнодушными читателей. Но критическое рассмотрение его произведений литературоведами обходило вниманием наследие писателя.

Тому есть несколько причин, одна из которых кроется, как нам кажется, в самой личности писателя. В основу его повес-

тей и рассказов положен пережитый автором жизненный опыт, что в какой-то степени мешало современникам увидеть общечеловеческий смысл военного конфликта, заявленного писателем, и еще то, что обращение Воробьева к теме плена как явлению, ставшему рядовым в условиях начала Отечественной войны, его желание оправдать прошедших суровую школу испытания пленом и выживших вопреки обстоятельствам оказалось открытием советской прозы.

О том, что война калечит нравственное в человеке и убивает в нем живое, вообще всякое стремление жить, много позже напишут ровесники писателя: В. Астафьев "Пастух и пастушка" (1974), "Прокляты и убиты" (1996), В. Быков "Знак беды" (1986). Воробьеву тоталитарная система истребления войной жизни в бытийном ее восприятии откроется много раньше, может быть, именно поэтому в отличие от других писателей проза Воробьева о войне не только содержит в себе боль и крик от пережитого, но и раскрывает динамику нравственного возрождения человека на войне.

К. Воробьев в 80-е годы скажет о том, что великая победа народа стала и адским его испытанием на человеческую прочность. И хотя критики объясняют это личными переживаниями автора: "...Память — поддержка и опора героев К. Воробьева. Но она и кровотокающий источник...получалось у него только тогда, когда выходил он на крик, на свою недавнюю боль, на страдание..."², нам кажется, что востребованность писателя в настоящее время объясняется прежде всего не замкнутостью писателя на личных переживаниях военной поры, а возможностью возвысить эту правду до художественного обобщения.

К. Воробьеву удалось создать эпическое полотно жизни народа в многообразии связей — человеческих, социальных, психологических, которые только и могут объяснить жизнь в ее целостном единстве. Произведения Воробьева воссоздают общую картину мира, где жизнь и смерть, мир и война выступают как равные стороны бытия. Рассматривая судьбу отдельного человека, писатель говорит о жизни народа в целом. При этом он показывает как "внешнюю" сторону разрушительного действия войны — ужас смерти и неизвестности, так и психологический надлом личности, ее моральную гибель. Разрушительные, античеловеческие силы войны проявляются в одной из форм истребления живого — возможности утраты человеческого начала, гибелью личности оборачивается победа войны над человеком.

Писатель обращает внимание не только на ключевую проблему

военной прозы — поведение человека в условиях войны, но и поразительно точно воссоздает историю страны в один из переломных ее моментов. Эпический размах и широта описания сделали небольшие по объему произведения — повести и рассказы — значительными по содержащейся в них социально-исторической правде жизни.

Точка отсчета личностного становления — военные испытания. Фронтový опыт помог писателю отразить растущее самосознание героя, многое из жизни которого было частью общей с народом судьбы. Герой Воробьева носит разные имена, но по способу отношения к действительности представляет собой русский народный характер. "Множественность" лиц помогает писателю раздвинуть повествовательные границы военной темы и создать поистине эпическое полотно жизни.

Общим началом судьбы каждого на войне становится первый бой. "Живая теснота", то есть общее априорное знание войны и жизни в целом для молодых солдат, оказывается пока единственной опорой в противостоянии бесчеловеческому лику войны: "...и там нас на исходе дня встретили немецкие танки и автоматчики. Мы ссыпались в неширокую болотистую балку и залегли там тесным пластом — места было немного, а тяга к локтю соседа велика" ("Дорога к мужеству"; курсив здесь и далее наш. — Н. З.)³. Единение, как внешнее, так и внутреннее, — пока единственное, что помогает курсантам выжить. Другого отношения к происходящему у них нет, как нет и собственного опыта. Только "живая теснота" может служить защитой перед реальностью войны. Но это единение в условиях фронтовой действительности распадается. Оно не имеет внутренней целеустремленной силы. Чтобы обрести эту силу, необходимо выйти на качественно иной уровень понимания смысла происходящего.

Окоп с ходами сообщения "в церковь, на кладбище и в коровник" ("Убиты под Москвой")⁴ представляет точную метафору войны, где каждый из действующих лиц выбирает свою дорогу. Длинное каменное строение, из которого несло "сывороткой, мочой и болотом"⁵, указывает на возможность плена, "заброшенное кладбище за толстой кирпичной стеной" — на смерть, столь реальную в условиях войны, и над всем этим ввысь возносится "церковь без креста" как знак общей беды, но и как символ веры, которая "уходила куда-то в преисподнюю"⁶ — в глубину народного представления о смысле бытия, где жизнь и смерть выступают в единстве целого, что определяет качественную сторону жизни, сохраняет нравственное начало.

Старший по возрасту и опыту солдат советует кремлевцам выйти из окружения, ориентируясь на "маковку церкви".

До момента обретения личностной самостоятельности герой действует в событиях, которыми не может управлять. Обстоятельства ведут его. Бой и плен дают ему неожиданную свободу от приказа, но не от долга. Это и есть главный воробьевский сюжет, где поведение героя выстраивается в соответствии не с официальным, а с народным опытом. Чтобы понять причинно-следственную связь явлений, понять происходящее, найти свое место в жизни — обрести утраченную веру в себя, отстоять собственную правоту и правду, герою Воробьева необходимо пройти дорогой войны-плена, дорогой потерь и открытий.

Писателю важно сказать, что система выстраиваемых войной отношений не была случайностью, а неудачи войны недопустимо объяснять отдельными случаями трусости и нерешительности солдат. Уклониться от решения не может никто, попытка малодушно сохранить жизнь заканчивалась трагически — утратой человеческого достоинства, предательством Родины.

Человек на войне начинает иначе, чем прежде, ощущать себя в мире, в неразрывном единстве с Родиной и другими людьми, представляющими общность — народ. Смерть утрачивает свои права на человека и не может положить предел живому, если в сознании человека возникает мысль о неразрывности его судьбы от судьбы народа. "Пусть нас, людей не становится... Пусть! А Россия-то будет? Будет? Куда ж она денется?!" — спрашивает Сергей Климов ("Седой тополь")⁷ у капитана, малодушно утверждающего, что России уже нет. По мысли автора, Родина соединяет в себе не только географическое пространство, но и людей, составляющих с ней одно целое.

Тема плена стала главной составляющей военной темы в прозе Воробьева. Однако плен был суровой реальностью, испытанием сотен тысяч солдат и гражданских людей. Воробьев изображает плен как совершенную машину насилия, использующую огромный арсенал средств для подавления личности человека.

Предельное обнажение конфликта служит выявлению общих законов воздействия системы подавления человека, уничтожению нравственных основ жизни, что ведет к духовной смерти. Человек не принадлежит себе, и единственное, что движет его поступками, — чувство голода. Оно низводит человека до состояния животного, подчиняя сознание и волю инстинкту. "Черные бараки маячат зловещим видением, одиноко высясь на окраине города... десять гектаров площади лагеря единственным

черным пятном выделяются не снежном просторе... съеден с крошками земли холодный пух декабрьского снега..."⁸. В результате умышленного мора голодом пленные не могли передвигаться, их уже не охраняли — "дальше одного километра никто не ушел за целый день"⁹.

К. Воробьев показывает, что в условиях плена система истребления человека становится главным рычагом власти над ним. Убийство в быту лагерной жизни носит нормативный характер, все время совершенствуется, в нем есть жуткая эстетика алогичного мира-войны. В Каунасском лагере "были эсесовцы, вооруженные... железными лопатками. Они уже стояли, выстроившись в ряд, устало опершись на свое "боевое оружие". Еще не успели закрыться ворота лагеря за изможденным майором Величко, как эсесовцы с нечеловеческим тиканьем врезались в гущу пленных и начали убивать их. Брызгала кровь, шматками летела срубленная неправильным косым ударом лопаты кожа. Лагерь огласился рыком осатаневших убийц, стонами убиваемых, тяжелым топотом в страхе метавшихся людей"¹⁰. Поражающая читателя "оголтелость" убийц-фашистов представляет истинное лицо войны. Ее условия определяют поведение людей. Убийство становится целью, им утверждается право на насилие.

Фашисты утратили человеческое и сами стали орудием пытки и убийства. Но и советские военнопленные ведут себя подобным образом. Доведенные до безумия голодом, "умышленным мором", пленные перерождаются в оголтелую толпу убийц. "На тринадцатые сутки умышленного мора голодом немцы загнали в лагерь раненую лошадь. И бросилась толпа пленных к несчастному животному, на ходу открывая ножи, бритвы... способные резать или рвать движущееся мясо. По образовавшейся гигантской куче людей две вышки открыли пулеметный огонь. Может быть, первый раз за все время войны так красиво и экономно расходовали патроны фашисты"¹¹.

К. Воробьев показывает, что абсолютное насилие чревато потерей нравственного и духовного. При этом писатель не делает национальных различий, правильно полагая, что природа жестокости кроется не в особенностях национального характера, а в природе насилия, подавляющей любую личность.

Плен должен был завершить нравственное падение личности, зафиксировать утрату единения человека с народом и Родиной. Как реалист, Воробьев не идеализирует солдата на войне, показывая, как гибнет нравственное отношение к основам жизни у пленных. Мир таких людей ограничен их отдельным мирком,

все остальное уже не имеет для них значения, они же и утратили чувство реальности: "Весной должна кончиться война. Помогите мое слово! Потому что *пропали мы тут*"¹². Но другие искали выход в собственной решимости. Позиция этих людей определялась более общим и значимым – судьбой России.

Писатель обращает внимание на внутреннюю силу, способную противостоять абсолюту власти. Эта из недр человеческого сознания идущая сила руководит поступками героя, сохраняет в нем лучшие человеческие качества, не способна погасить нравственный огонь личности, снизить ее потенциал. Поэтому борьба с врагом, путь, ведущий к победе России в Отечественной войне, это путь борьбы за себя, и он велся не только на фронте, но и в плену.

В рассказе "Седой тополь" командование лагеря пытается выяснить, кому принадлежит утерянный орден Красного Знамени, за что обещает улучшить условия содержания в лагере. Пленные молчат, понимая, что предложение провокационно. Их "живая теснота" демонстрирует показное единство и сопротивление врагу. Однако младший лейтенант Сергей Климов в безымянности награды, в малодушном отказе от нее владельца видит предательство Родины, ведь награда является знаком отличия одному из ее сыновей и устанавливает незримую связь между общим – Родиной и ее частью – человеком. Вот почему Сергей Климов выступил из строя, нарушив "живую тесноту", т.е. внешнее единение, но тем самым восстановил духовную, внутреннюю связь с Родиной, хотя и не являлся настоящим владельцем ордена.

Чтобы быть человеком и остаться верным себе, сохранить достоинство, чтобы стать защитником Родины и солдатом, герою необходимо восстановить прерванную войной связь с опытом народа, его историей, его верой. На наш взгляд, герой К. Воробьева воплотил в себе лучшие черты национального характера, своей отдельной судьбы у него нет. Писатель смог в рамках небольших по объему произведений воплотить эпическое полотно военной действительности.

¹ См.: Миряшкин В. Д. Психологическое раскрытие характера в повести К. Воробьева "Убиты под Москвой" // Проблемы развития филологических наук на современном этапе: Материалы 3-й Калининск. обл. конф. молодых ученых-филологов и школьных учителей. Калинин, 1990. С. 142–144; Зимин В. Я. Нравственные истоки прозы К. Д. Воробьева // Труды СГУ. Вып. 15. М., 1999. С. 124–131; Зимин В. Д. К. Д. Воробьев:

Жизнь на тему // Курские тетради: Курск и куряне глазами ученых: Тетрадь четвертая. Курск, 2002. С. 123–133 и др.

² Золотусский И. Очная ставка с памятью // Лит. обозрение. 1981. № 4. С. 27.

³ Воробьев К. И всему роду твоему: Рассказы и повесть. Вильнюс, 1978. С. 185–186.

⁴ Воробьев К. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 1. С. 151.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же. С. 162.

⁷ Там же. С. 360.

⁸ Там же. С. 209–210.

⁹ Там же. С. 211.

¹⁰ Там же. С. 232.

¹¹ Там же. С. 215.

¹² Там же. С. 227.

О. В. Гришаев

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История — это не только совокупность знаний о прошлом, это всегда еще историческое мышление, позволяющее яснее осознавать свое положение в современном мире, четко определять свою гражданскую позицию и отношение к происходящим событиям, глубоко раскрывать их сущность и направленность. Важность исторического познания понимали и в тяжелый для нашей страны период, о чем свидетельствует работа Государственного исторического музея в годы Великой Отечественной войны.

Так, 12 апреля 1943 года на заседании Коллегии народного комиссариата просвещения РСФСР рассматривался вопрос о работе Государственного исторического музея (ГИМ)¹. Предварительно деятельность музея была обследована Комиссией Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы, которую возглавлял профессор Н. М. Коробков. В состав комиссии входили: Д. А. Новоплавский — секретарь, профессор В. И. Лебедев, профессор З. Р. Наедин, полковник Н. Е. Подорожный, профессор И. Н. Воронин, Т. С. Пассек, профессор С. В. Киселев, Г. Н. Серебренников². Эта комиссия подготовила развернутое заключение на 9 страницах.

Деятельность Государственного исторического музея в это вре-